

ПРОДОЛЖАЕМ ПУБЛИКАЦИЮ ВОСПОМИНАНИЙ СЕНЬОРА ВИРХИЛИО ДЕ ЛОС ЛЬЯНОСА МАСА О ГОДАХ, ПРОВЕДЕННЫХ В ЛЕНИНГРАДЕ. НАПОМНИМ, ВИРХИЛИО БЫЛ СРЕДИ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ, ЭВАКУИРОВАННЫХ В 1937 — 1938 ГОДАХ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ ИЗ ИСПАНИИ, ОХВАЧЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНОЙ

Выросшие в СССР

(Продолжение. Начало в номерах за 16, 30 июля и 13 августа)

Вирхилио с братом Карлосом и сестрой Кармен.

ВОЙНА И БЛОКАДА

«Дети Испании, дети России», как нас назвал журналист Эдуард Аренин в газете «Вечерний Ленинград», разделили тяготы, выпавшие на долю советского народа в годы Великой Отечественной войны. Молодые испанцы участвовали в героической защите Ленинграда. Вместе с другими жителями города они страдали от голода, болезней и холода. Десятки испанских добровольцев отдали жизнь, защищая город, ставший им родным, защищая страну, давшую им приют в тяжелый час. Как тут не вспомнить строки Расула Гамзатова, посвященные Ленинграду:

*Ты выживался из последних сил,
Ты пить хотел, но воду не пил,
— Солдаты просят воду перед смертью.
А ты сражался...*

Ты стоял...

Ты жил.

Элоина Рапп, девушка из северной испанской провинции Сантандер, в довоенном Ленинграде дружила с моей сестрой Кармен. Как другие старшие испанцы-детдомовцы и моя сестра, Элоина провела 240 дней в блокадном Ленинграде, ухаживая за ранеными в госпиталях.

...Ученый-медик Мигель Марко Игуаль, занимающийся историей испанских врачей и медсестер, участвовавших в войне, недавно прислал мне следующее письмо: «Дорогой Вирхилио! Я проверил списки испанцев, работавших в госпиталях осажденного Ленинграда, — их было девятнадцать человек. Они работали медсестрами/медбратьями, нянечками, уборщицами и т. д. Вот имена этих 15 девушек и 4 юношей: Мария Пардина, Изабель Аргентина Альварес, Алисия Касанова, Мария Луиза Диез, Ирен Мартинес, Фермина дель Валье, Хорхе Виво, Руфина Гонсалес, Хосефина Маркос, Висента Сакристан, Кармен де лос Льянос, Кармен де лос Риос, Элоина Рапп, Нестор Рапп, Кармен Маррон, Кармен Кастро Маринас, Хосе Аргуэльес, Ауринна Альен и Луиза Альен.

После войны Элоина поступила в МГУ на исторический факультет, в 1953 году защитила диссертацию. Долгие годы преподавала в МГУ, в течение четырех лет работала на Кубе. В ее богатом трудовом резюме не отражены драматические события, которые ей довелось пережить подростком в самом начале Великой Отечественной. В 1978 году Элоина написала статью «Героическая защита Ленинграда» для испанского журнала «Новая История», где рассказала о своем личном опыте жизни в осажденном городе. Под заголовком «Испанские добровольцы против немецких захватчиков» Элоина свидетельствует: «С 30 июня начали формироваться отряды народного ополчения, а с начала июля — также и партизанские отряды для сопротивления оккупантам. Вместе с советскими людьми добровольцами на фронт ушли около сотни испанцев — рабочих завода «Электросила» и студентов различ-

ных вузов и техникумов Ленинграда. Некоторые прибавили себе лет, чтобы их взяли на фронт: Хосе Аргуэльес, Элой Альварес, Нестор Рапп, Цельсо Фернандес и другие. Им не было требуемых семнадцати...»

Защищая Ленинград, погибли на фронте испанские ребята.

В Петербурге на здании бывшего детского дома на Тверской улице укреплен мраморная плита. Надпись возвещает, что отсюда ушли на фронт юные испанские добровольцы, многие из которых пали в боях. Среди погибших были и мои друзья по плаванию на теплоходе «Феликс Дзержинский» Армандо и Эктор Виадью, Хосе Аргуэльес, Анхель Мадера, братья Мариано и Хулиан Балагиро и десятки других.

НЕМЕЦКАЯ ДЕРЕВНЯ В РУССКОЙ СТЕПИ

...Деревня немцев Поволжья, в которой нам предстояло жить в эвакуации, называлась Куккус. Она была абсолютно безлюдной, на улицах стояла гробовая тишина. По широким немощеным улицам бродили брошенные коровы, куры и гуси, явно искавшие хозяев. Немцы Поволжья были людьми работящими и хозяйственными, многие из колхозов автономной республики считались передовыми. Уровень жизни здесь был довольно высоким. Накануне депортации здешние колхозники успели собрать богатый урожай: закрома были полны пшеницы, на полях лежали огромные сочные арбузы, а чердаки были забиты мешками семечек, фасоли и гороха с личных наделов.

Нашему детдому в Куккусе выделили кирпичное трехэтажное здание и несколько колхозных изб. В избах поселились преподаватели и ребята 6, 7 и 8-го классов, а дошколята и младшие школьники расположились в кирпичном доме; там же разместились кухня, столовая, врачи и остальной персонал. Наш 8-й класс, или, как нас еще называли, «старшая группа», состоял из семи юношей и одной девушки, Аранчи Хаурегги. Юноши — Луис Иглесиас, Элиас Арсега, Хосе Баррос, Хосе Херес, Хосе Сегура, Анхель Алонсо и автор этих строк.

С первого же дня мы вынуждены были освоить множество непривычных занятий.

На нас возложили обязанность доить бродячих коров дважды в день — рано утром и вечером. Как известно, коровы заболевают, если их не подоить вовремя. А кроме испанцев, теперь в деревне больше никто не жил. На счастье, сразу же выявились «инструкторы», вспомнившие сельское детство. Баски и астурийцы прекрасно доили коров. Мне же было трудно — горожанин, я никогда не видел близко коровы.

Однажды директор детдома вызвал «старшую семерку» и сказал, что на пару недель нас командируют в колхоз в 20 километрах от Куккуса. Было необходимо срочно начать вейание, чтобы зерно не перегорело. Директор выдал нам на всякий случай две малокалорийные винтовки и пятьдесят пуль. Когда мы прибыли к силосам, зерно действительно уже «горело». Это стало для меня еще одним открытием. Раз за разом я засовывал руки по локоть в зерновую массу, с трудом выдерживая ее жар. В конце рабочего дня обесиленные «вейатели» залезали в скруды и согревались горячей соломой. Пока пятеро спали без задних ног, двое стояли на часах.

Даже волки, ночи напролет воюющие в бескрайней степи, не могли нарушить крепкий молодой сон!

Незаметно пришла зима — первая для нас зима в русской степи. Выпал снег, и задули сильнейшие ветра, пронизывавшие до мозга костей. В домах сразу же стало холодно, особенно в кирпичном здании, где жили малыши. Нас, «старшую семерку», мобилизовали на заготовку дров.

Каждый день в жуткий холод затемно мы запрягали быков парами в сани и отправлялись на правый обрывистый берег Волги. В лесу по колено в снегу валили огромные деревья, очищали их от сучьев и большими дурными пилами распиливали бревна на куски в 3 — 4 метра. Самым трудным и опасным был спуск груженных саней по крутому склону на замерзшую поверхность Волги. Лед был еще тонкий. Мы каждый раз устанавливали цепи на полозья саней. Но все равно перегруженные сани наезжали на быков и грозили раздавить их. Медлительные быки не умели и не могли бежать быстрее.

Умельцем мастером спуска был баск Анхель Алонсо Гаритагойтия по прозвищу Сани. (Производное от слова «санитар», функции которого Анхель исполнял в Правдинском детдоме; в нарукавной повязке с красным крестом он исправно проверял чистоту наших рук перед едой). Анхель произносил какие-то магические слова типа «цоб-цобе!». Быки понимали его, слушались и, благодарные, старались удерживать сани на спусках. Мы триумфально появлялись во дворе детдома. Из окон глядели укутанные по уши малыши. Ждали нас с нетерпением также воспитатели и повара, то и дело поглядывая на улицу сквозь замерзшие стекла. Во дворе нам предстояло еще пилами и топорами разделять бревна и наколоть дрова, пригодные для топки печек. Мы понимали, что жизнь и здоровье двухсот детей зависели от нашей «старшей семерки».

Братья Армандо и Эктор Виадью.

Это обязывало доводить дело до конца, даже если уже не хватало сил.

Я не помню другого, более тяжелого и нескончаемого периода в жизни, чем зимние дни и ночи 1941 — 1942 годов.

УРОКИ ПРИ СВЕТЕ ЛУЧИНЫ

Несмотря на постоянный голод, надо было учиться. В средней школе Куккуса впервые преподавание велось только на русском языке, что уже само по себе было для нас непросто. Хотя и интересно! Помню заученную в пушистый платок учительнице литературы. Эта милая русоволосая женщина познакомила нас с творчеством Льва Толстого. В наше сознание Отечественная война 1812 года вошла зимой Великой Отечественной. Русский Платон Каратаев был так похож на испанских партизан! Мы принадлежали двум народам, победившим Наполеона, и почувствовали себя участниками Истории. Так же, как Наполеона, Россия разгромит Гитлера! А потом Испания тоже освободится от фашизма.

Трудно было готовиться к урокам по вечерам. Избы освещались лучинами или, в лучшем случае, керосиновыми лампами без стекла. По утрам мы просыпались с законченными носами. От голода нас спасали семечки подсолнуха, заготовленные немцами на чердаках. Ночами мы жарили семечки в печках на самодельных подносах. Никогда не забуду друзей, с которыми в холодные ночи в заволжской степи готовили мы домашние задания: у каждого в руке кулек, в который сплевывалась шелуха. Нельзя было замусоривать комнату, в которой мы семеро обитали.

Радио передавало безрадостные сводки об операциях на Сталинградском фронте. На секретном собрании семерка решила: идти в Куккусский военкомат и проситься на фронт добровольцами.

Чем мы могли быть полезны фронту? Мы сказали бы военкому, что отлично стреляем — на стрельбище всегда поражали мишени. Также, помню испанского, мы (якобы) владем итальянским и румынским — языками союзников Гитлера. Мы не сомневались, что военком обязательно попадет на «крючок» испанских полиглотов.

Первый наш товарищ вышел с переговоров в военкомате недовольным. Военком спросил его о шести ожидавших на улице — столь же они умелые, как он? Получив утвердительный ответ, тут же позвонил директору детдо-

ма. Потом пригласил нас в кабинет и сказал: «Войну с фашизмом мы уже выигрываем. Вы, безусловно, юноши способные, если судить по вашим знаниям, и пригодитесь новой демократической Испании. Продолжайте учиться, чтобы стать по-настоящему взрослыми». Нам не дали возможности протестовать: у дверей военкомата ждал директор детдома. Паншин, старый большевик с громовым голосом, встретил нашу компанию следующим нравоучением:

«Вы что же думаете, герои, что я здесь скрываюсь от немецких фашистов? Ошибаетесь — я несколько раз обращался с просьбой об отправке на фронт. Мне же всегда отвечали, что моя обязанность — оберегать и воспитывать испанских детей». Пришлось смириться.

Зимой 1941 — 1942 годов, помимо учебы в школе и заготовки дров, мы изучали теорию и практику вождения колесных сельхозтракторов марки ХТЗ (Харьковский тракторного завода) и зерновых комбайнов «Сталинец-1». Мы хотели получить права тракториста и комбайнера, чтобы участвовать в уборке зерно-

Братья Мариано и Хулиан Балагиро, отдавшие свои молодые жизни при защите родного Ленинграда (между Мариано и Хулианом их младший брат Казимиро. Фото довоенное).

вых для защитников Сталинграда. Мы семеро сдали экзамены в МТС на отлично и получили права. До сих пор я храню «корочки» на серой бумаге военного времени с подписью и печатью. На печати надписи на русском и немецком. Хотя немцев выслали из Поволжья уже более полугодом назад, новые власти использовали старые печати.

Сев и последующая уборка урожая дались нелегко — нам, новичкам, не хватало практических навыков. Первую «упряжку» возглавлял Габриэль Аррон, а во главе второй рабо-

тали Аугусто Видаль — оба уроженцы Каталонии, интеллигенты и прекрасные преподаватели. Близорукий Аррон был не в состоянии управлять ни трактором, ни комбайном. Зато отверткой и молотком ремонтировал все необходимое, разбивая порой пальцы в кровь, но не издавал при этом ни единой жалобы.

Как известно, в те годы на всех машинах и станках, на фронте и в тылу, красовались красные звезды. На фюзеляжах боевых истребителей, например, красная звезда означала сбитый вражеский самолет, звезды на корпусах танков соответствовали уничтоженным вражеским боевым машинам. Корпуса наших комбайнов украшала звездная россыпь: каждая звездочка означала, что в закрома Родины, как тогда говорили, внесены 40 тонн зерна.

ДОСРОЧНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ

...Зима 1942 — 1943 годов была похожа на предыдущую: мы учились, терпели голод и заготавливали дрова в зимнем лесу. Правда, теперь нам уже помогли другие выросшие подростки. Но в начале 1943-го произошло историческое событие, поднявшее наш дух. 2 февраля радио в нашей избе передало военную сводку о разгроме и уничтожении войсками Донского фронта вражеской группировки, окруженной в Сталинграде.

Наступление Советской Армии если не облегчило условий нашей жизни, то сделало ее более радостной. Немецкие войска отступили, и война удалялась от наших мест. Весной 1943 года шестеро из нас заканчивали

держали старшие товарищи и советники — воспитатели Хесус Саэс, Хосе Арреги, Аугусто Видаль и Габриэль Аррон. Они взяли на себя разговор с директором детдома Паншиным и с учителями, которые должны были бы нам помочь консультациями.

Наши планы было очень трудно осуществить в условиях недоедания. Но мы добились поставленной цели! В начале сентября 1943 года мы шестеро сдали экзамены за 10-й класс и получили аттестаты зрелости. Как нам это удалось?.. Когда уже не было сил, ты был готов отказаться от задуманного и собирался сообщить об этом товарищам, ты поднимал глаза и видел друзей, склонившихся над книгами. Сразу же становилось стыдно за собственную слабость. В эти минуты надо было каким-то образом отключиться от трудности, голода — закрыть глаза или повторить «трюк» Хосе Хереса. Физически самый слабый среди нас — он брал огромный том «Дон Кихота» с иллюстрациями Доре, лежавший на столе в нашей комнате, открывал наугад любую главу и начинал читать. Скоро он уже улыбался или хохотал — в зависимости от похождения Рыцаря Печального Образа. Затем, шелкая жареные семечки, Хосе продолжал занятия как ни в чем не бывало.

В сентябре 1943 года наша семерка прошла с Куккусом, с друзьями и с милыми «невестками», которым за отсутствием времени и опыта мы так и не успели признаться в любви. В деревянном клубе Куккуса, освещенном тусклой лампочкой, мы на прощание танцевали с ними пасодобль. Его мелодию до сих пор храним в памяти как реликвию нашей трудной и незабываемой юности.

ИСПАНСКИЕ «ЗАЙЦЫ»

В Саратове мы встретились с двадцатью испанцами — выпускниками школ из других детских домов, эвакуированных в Поволжье. Мы все направлялись в московские вузы. В те времена добраться до столицы было проблемой. Для этого требовался пропуск, выдаваемый милицией только тем, у кого были внутренние паспорта и специальный вызов института. Мы с Луисом Иглесиасом, как и все остальные, имели вызов из Московского энергетического института, куда стремились поступить все семеро. Не было у нас с Луисом только советских паспортов.

Из Испании детей вывезли без каких-либо документов. По мере того как они росли и покидали детдома, им выдавались советские паспорта, без которых никто в СССР не мог ни учиться, ни работать, ни перемещаться по стране. Война помешала нам вовремя получить нужные документы.

Воспользовавшись тем, что в столицу ехала большая группа молодых испанцев, мы с Луисом подпольно проникли в вагон поезда Саратов — Москва. Спрятались под койками законных пассажиров. Товарищи загородили нас чемоданами и вещами, спрятав таким образом от чужих глаз. Пространство между койками и полом было очень маленьким, и там можно было уместиться, только лежа на спине. Выдержим мы в этой позиции почти 18 часов перегона от Саратова до Москвы? Еду и

Памятная доска на здании бывшего детского дома на Тверской улице.

В ЭТОМ ЗАДАНИИ В 1937—1942 ГОДАХ РАЗМЕЩАЛСЯ ИНТЕРНАТ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ ПРИБЫВШИХ В СССР ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ. ЗА ЭТОМ МНОГИЕ ИЗ НИХ ПЕРЕЖИЛИ САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ПЕРИОД БЛОКАДЫ ОТСЮДА ИСПАНСКИЕ ЮНОШИ УХОДИЛИ НА ФРОНТ ЗАЩИЩАТЬ ГОРОД ЛЕНИНА ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

фото Марины ХОЛТОВОЙ

Медестра Мария Парина посмертно награждена орденом Красного Знамени.